

Когда Чу Сюн вышел наружу, у него всё ещё было ощущение нереальности происходящего.

Он повернулся и полетел к Лотосовому Морю, но в Зале Лотосов никого не было. Здесь он тоже не ощущал присутствия своего наставника.

Духи Лотосового Моря сбились в кучку и, хмурясь, наперебой заговорили о том, что Бессмертный Владыка Ваньянь после переживания бедствия так и не вернулся. Они также добавили, что само переживание бедствия было до ужаса пугающим, и потребовали, чтобы он скорее разыскал наставника и привел его обратно.

Лицо Чу Сюна исказилось, и он пробормотал:

— Наставник...

Он крепко сжал кулаки, заставил себя успокоиться и закрыл глаза. Открыв их снова, он устремился в определенном направлении.

Много лет назад он был всего лишь украшением на одеянии наставника. Когда он научился принимать человеческий облик, наставник даже немного привык к тому, что на его руке больше нет привычной подвески.

Тогда он превратил часть самого себя в прежний вид и отдал наставнику.

Пока наставник носил эту подвеску при себе, он всегда мог его отыскать.

Чу Сюн хотел было сказать что-то еще, как вдруг почувствовал неподалеку странный шум.

Он резко бросил:

— Кто там!

Едва звук его голоса затих, в воздухе пронеслась странная рябь, и из кустов с болезненным стоном выпрыгнул кто-то.

— Тяньма? — удивленно произнес Чу Сянь.

— Брат... я переживал за тебя и последовал следом, чтобы посмотреть, — Тяньма стряхнул с лица травинки и с виноватым видом произнес.

— Я в порядке, — ответил Чу Сянь, чье сердце всё еще трепетало от пережитого.

Лучше бы он этого не говорил: стоило ему произнести эти слова, как Тяньма тут же подбежал к нему и с сочувствием во взгляде воскликнул:

— Брат, твое лицо стало еще бледнее, какое же тут в порядке. О чем таком нельзя было поговорить дома? Раз уж я оказался лишним, я мог бы просто уйти, зачем же позволять тебе простужаться на холоде?

С этими словами он бросил укоризненный взгляд на Чу Сюна.

Лицо Чу Сюна помрачнело.

Он посмотрел на Чу Сяня и заметил, что тот и впрямь был бледен как полотно. Его собственная магия обычно не давала наставнику замерзнуть, так что бледность, судя по всему, была вызвана тем самым признанием, которое он только что выпалил в порыве отчаяния.

Раньше он непременно съязвил бы в ответ: пока он рядом, наставник никогда не замерзнет, к тому же он способен как можно быстрее помочь наставнику восстановить Магическую Силу. Что может сделать этот низший демон с крошечным запасом Демонической Силы ради наставника?

Однако, глядя на едва заметную, почти неуловимую улыбку на губах наставника, он не смог вымолвить ни слова.

Его наставник не хотел принимать его помощь, его наставник отверг его и попытался оттолкнуть, его наставник предпочел принять заботу слабого демона, который был не в силах разрешить его проблемы.

Чу Сюн вдруг почувствовал такую острую боль, что онемел, стоя рядом словно брошенный щенок.

Прежний надменный взгляд исчез, уступив место потухшим, покрасневшим глазам. Ему вдруг безумно захотелось уйти отсюда — лишь бы сбежать от этой разрывающей сердце боли.

Когда Чу Сянь пришел в себя и оглянулся, Чу Сюн уже отвернулся, избегая его взгляда.

— Наставник, я провожу тебя, — его голос слегка хрипел, а глаза смотрели куда угодно, но не на Чу Сяня.

Чу Сянь помолчал немного, глядя на Чу Сюна, и со сложным выражением в глазах ответил:

— Не нужно.

— Наставник, я провожу, — взгляд Чу Сюна по-прежнему не касался Чу Сяня, а голос звучал жестко и непреклонно.

Тяньма тут же вмешался:

— Брат, пойдем домой, я как раз сварил целебный отвар. Вернемся — сразу выпьешь.

Чу Сянь больше ничего не сказал, и они вместе с Тяньмой направились обратно.

Чу Сюн неотступно следовал за ними на небольшом расстоянии. Его пристальный взгляд был прикован к спине Чу Сяня, а кулаки сжались с такой силой, будто он сдерживал какую-то бурю внутри.

Добравшись до дома Тяньмы, Чу Сянь переступил порог, но вдруг ощутил легкий холодок в спину: согревавший его теплый барьер, созданный Чу Сюном, внезапно исчез.

Он обернулся: за дверью простиралась непроглядная тьма, в которой невозможно было разобрать, остался там кто-нибудь или нет.

Чу Сянь лишь отчетливо понимал, что Чу Сюн уже ушел.

Глядя в дверной проем, он ощутил, как в его еще мгновение назад встревоженной душе зарождается глухая тоска.

Тяньма принес миску с только что сваренным отваром и, заметив, что Чу Сянь застыл в той же позе, в какой только что вошел, погрузившись в собственные мысли, спросил:

— Брат, ты в порядке?

Чу Сянь оторвался от своих раздумий и привычно ответил:

— Я в порядке.

Тяньма поставил суп на стоявший рядом столик и произнес:

— Тогда выпей отвар. Бабушка Жареная Змея говорила, что при слабом здоровье этот целебный суп подходит лучше всего.

Посмотрев на источающий горьковатый запах отвар, Чу Сянь тихо сказал:

— Спасибо за заботу.

Тяньма покачал головой. Наблюдая за тем, как Чу Сянь неторопливо, маленькими ложками пьет суп, он вдруг вспомнил те слова, которые случайно подслушал.

Глядя на Чу Сяня, Тяньма выпалил:

— Брат, неужели ты станешь женой своего ученика!

Чу Сянь поперхнулся. Прикрыв рот рукой, он ошеломленно произнес:

— Откуда ты...

Не успел Чу Сянь договорить, как Тяньма, впервые в жизни перебив его, продолжил:

— Тот человек такой свирепый и совсем не умеет проявлять заботу. Разве сможет он по-настоящему позаботиться о брате?

Чу Сянь замер, подумав про себя, что он вовсе и не нуждается в чьей-либо заботе. На протяжении тысячелетия он всегда прекрасно справлялся сам.

Тяньма добавил:

— Брат, уж лучше тогда стать моей женой.

Чу Сянь остоленел.

Тяньма немного смутился, но продолжил:

— Если брату неловко сделать первый шаг, давай я буду женой брата? Я смогу заботиться о повседневной жизни брата.

Чу Сянь окончательно потерял дар речи. Глядя на Тяньму, он запинаясь произнес:

— У меня... не было таких планов.

Тяньма вовсе не выглядел расстроенным отказом; моргнув, он ответил:

— Ничего страшного, мне достаточно просто быть рядом с братом.

Чу Сянь едва заметно вздохнул: разве ребенок понимает истинный смысл слова жена? Он просто пытается выразить чистую привязанность и симпатию.

Больше Чу Сянь ничего не сказал.

А Чу Сюн тем временем всё еще не мог поверить, что действительно произнес те слова. Он бросил взгляд на висевшую на руке подвеску: как такое вообще могло случиться?

Раньше Чу Сюн во всем полагался на него, а повзрослев — отдалился. С чего вдруг всё так изменилось...

Он никак не мог взять это в толк, и почему-то на душе у него было тревожно.

На сердце у Чу Сяня было тяжеловато, а Тяньма по-прежнему спозаранку уходил на работу и возвращался поздно вечером.

Спустя два дня Тяньма вернулся с сияющим лицом, бережно прижимая к груди горшочек, в котором хранил свои сбережения.

Войдя в дом, он аккуратно развернул сверток из какой-то ткани и с загадочным видом положил вещь перед Чу Сянем.

Чу Сянь оторвался от своих мыслей и, глядя на не сходявшую с лица Тяньмы улыбку, совершенно ничего не понял.

<http://bllate.org/book/26720/3200345>